

Личный охранник сам признал свою вину, и Сяо Шанли сказал:

— Я спрашивал о подношении, но он не знал. Видимо, он проник сюда только сегодня.

Он приказал провести расследование. Лэ Юй стоял рядом, прислонившись к корабельному окну, в руках у него был длинный ящик, похожий на футляр для цитры.

— Князь Цзинчэн, ваше высочество, действительно обладает необычайной смелостью, решил рискнуть, увидев моё появление. Неужели вы уже настолько мне доверяете за эти несколько дней?

Сяо Шанли хотел что-то ответить, но сдержался и с досадой произнёс:

— Я верю в мастерство господина Лина и ещё больше верю, что если со мной что-то случится, господин Лин не только не сможет отчитаться перед Павильоном Весеннего Дождя, но и перед наложницей наследного принца Чжаохуай.

Лэ Юй поставил ящик с цитрой на стол, не обращая внимания на тело, поднял веер, испачканный кровью и плотью, и спокойно сел за стол, начав промывать его водой из кувшина. Веер, служивший вместо меча, был сделан из необычного материала: он не ломался от ударов и не намокал от воды. После промывки он снова стал чистым, как новый. Поверхность веера была белой, как шёлк, не впитывала грязь, но при этом на ней можно было писать чернилами. На веере были начертаны две строки: «С древних времён печаль не знает границ, а я и без того многолюбив». Сяо Шанли был поражён: какая дерзость — сравнивать печаль тысячелетий с фразой «я многолюбив». Однако стихи и почерк полностью отражали личность автора: свободный и изящный почерк, полный энергии, словно парящие фениксы. Сяо Шанли невольно застыл, погрузившись в созерцание.

Он поспешно отвел взгляд и увидел, что Лэ Юй по-прежнему сидит спокойно, уже открыв крышку серебряного кувшина с узором в виде рыб, стоявшего на углях, и достаёт из кармана пакетик с чаем, совершенно не собираясь заниматься расследованием убийства. Сяо Шанли несколько раз сдерживался, но, вспомнив его легкомысленное поведение прошлым вечером, раздражённо спросил:

— Что ты здесь ещё делаешь?

Лэ Юй ответил:

— Разве не ваше высочество, князь Цзинчэн, приказал мне остаться?

Сяо Шанли возразил:

— Когда я это говорил?..

Но было уже поздно. Лэ Юй продолжил:

— Как так? Ваше высочество полностью доверили мне свою безопасность, неоднократно

предупреждая, что если с вами что-то случится, мне придётся отвечать перед кем-то. Разве это не угроза, что я должен быть рядом с вами каждую секунду, не отходя ни на шаг?

Сяо Шанли, разозлившись, отвернулся. Лэ Юй, складывая веер, сказал:

— Оказывается, я неправильно понял ваши намерения.

Сяо Шанли гневно крикнул:

— Убирайся!

Лэ Юй, наблюдая за его раздражением, с улыбкой ответил:

— Как прикажете.

Он сложил веер, взял ящик с цитрой и, поклонившись, вышел. Это был первый раз, когда он поклонился ему, и его высокий рост и утончённые манеры выглядели особенно впечатляюще. Однако, едва выйдя за дверь, он громко рассмеялся, привлекая внимание охранников. Сяо Шанли, услышав его смех в коридоре, почувствовал, как гнев сжимает его грудь.

Раздражённый поведением Лэ Юя, он вспомнил все недавние опасности и почувствовал себя измотанным. После смерти наследного принца Чжаохуай дни становились всё тяжелее. Пока его старший брат был жив, он, конечно, не мог претендовать на трон, но теперь, когда брата не стало, даже если он останется любимым сыном императора и не будет бороться за власть, разве другие оставят его в покое? Разве они оставят в покое его мать, которая была фавориткой императора более двадцати лет? Он всего лишь родился на пятнадцать лет позже старшего брата, но никогда раньше не испытывал такого сильного желания занять трон. Вот только он не знал, как за него бороться.

Прошло полдня в молчании. После обеда он сидел в корабельной каюте, речной ветер бился в оконные рамы, все двери и окна были закрыты. Рядом никого не было. С грустью он подошёл к окну, но, прежде чем открыть его, услышал несколько звуков струн. Его рука замерла. В ночи это не было похоже на музыку, скорее на крик водоплавающих птиц на речной отмели.

Сяо Шанли вздрогнул и, не дав никому сопроводить себя, вышел из каюты в обычной одежде. Охранники поспешили подать ему плащ, но он лишь небрежно завязал его. За бортом небо и вода сливались в одно, волны реки бурлили, а на небе сгущались тучи, предвещая ночной дождь. Лэ Юй сидел на перилах второго этажа, играя на цитре, и никто не мешал ему. Звуки его игры напоминали журчание ручья.

Он играл неплохо, но цитра была грубой, а его техника — неопытной. Сяо Шанли смущённо спросил:

— Ты умеешь играть на цитре?

Лэ Юй, не оборачиваясь, остановил руку на струнах и ответил:

— Я также учился играть на флейте и ксилофоне.

Затем он повернулся и улыбнулся, уголки губ приподнялись:

— Ваше высочество думает, что люди из мира рек и озёр не могут быть ценителями искусства?

В тот момент Сяо Шанли подумал: «Нет, ты не просто ценитель искусства... Возможно, для других ты другой, но мне нравится твоя музыка. Хотя она несовершенна, в ней есть что-то особенное. Ни один музыкант, которого я слышал раньше, не мог передать то, что передаёшь ты». Однако он не мог выразить это так прямо и лишь спросил:

— Где ты этому научился?

Лэ Юй ответил:

— Меня научила играть на флейте лодчица с реки Цзялинцзян. Это было пятнадцать лет назад, и она научила меня мелодии из её родных мест. Позже я отправился на лодке к озеру Цзяньху в Восточном У, и в ту ночь, когда шёл снег, я играл ту мелодию на озере. Там я встретил женщину, которая играла на цитре, аккомпанируя мне.

Он улыбнулся, вспомнив ту лодчицу, которая была всего на три-четыре года старше его. После игры на флейте она взялась за вёсла и кричала: «Господин, посмотри на ночных рыб, на луну в воде...» Затем он вспомнил ту женщину, которая случайно встретилась ему ночью, играя на цитре. Она пригласила его на свою лодку, шутила с ним и вздыхала: «Молодой господин, ты действительно...» Тогда ему было всего двенадцать-тринадцать лет, а теперь он стал высоким и статным мужчиной, и все те чувства отразились в его импровизированной мелодии.

Час назад они ссорились, а теперь спокойно разговаривали. Сяо Шанли тихо спросил:

— Ты побывал во многих местах, не так ли?

Лэ Юй ответил:

— Да.

Сяо Шанли продолжил:

— Вот почему в твоей музыке есть эти горы и реки. Я... я никогда не покидал Цзиньцин.

Он сделал паузу и добавил:

— Когда мне было тринадцать, всех князей отправили в их владения, и я надеялся увидеть свои земли. Но мать попросила меня написать прошение, чтобы остаться в столице. Я был младшим братом наследного принца и должен был радовать родителей. Поэтому... император приказал

наставнику князя Цзинчэн управлять моими землями вместо меня. Но те братья, которые действительно отправились в свои владения, завидовали мне за то, что я остался в столице.

Лэ Юй сказал:

— «Кто знает меня, тот поймёт мою печаль, кто не знает, тот спросит, чего я хочу». В мире всё так устроено.

Сяо Шанли внезапно заволновался, чувствуя, что ночной дождь вот-вот начнётся.

— В твоей музыке есть горы, реки и свобода. Это хорошо.

Ветер развеивал ленты его плаща, и Лэ Юй задержал взгляд на его дрожащих руках. Сяо Шанли был невероятно красив: густые брови, длинные ресницы, алые губы и чёрные, как чернила, волосы. Его лицо было прекрасно до крайности, а руки — белыми, как цветы сливы, дрожащие под дождём.

Такую красоту Лэ Юй видел впервые в жизни. Он не смог сдержаться и подошёл ближе.

— Ваше высочество, ваши пальцы, словно выточенные из нефрита, должны прекрасно звучать на цитре.

Сяо Шанли был рад, но не мог найти слов. К счастью, тяжёлые капли дождя начали падать на струны и одежду. Он закутался в плащ, спрятав руки.

— Господин Лин, вам тоже стоит отдохнуть.

Затем он развернулся и почти убежал.

Их настроения были разными, но они вместе слушали холодный дождь до рассвета. Сяо Шанли, вопреки своей привычке, почтительно обращался к нему как к «господину Лин». В последний день корабль прибыл к официальной пристани за пределами Цзиньцзина.

На пристани уже был установлен роскошный навес, и ряд евнухов с указами принёс одежду. Вдоль берега были расставлены шёлковые завесы, и служанки почтительно одевали князя Цзинчэн. Сяо Шанли вышел из толпы слуг и завес, а Лэ Юй, всегда дерзкий и красноречивый, молча смотрел на него. Сяо Шанли, смешанно радуясь и робея, приказал подвести лошадь и, сев на неё, заметил, что Лэ Юй, казалось, всё ещё был погружён в свои мысли. Внезапно его сердце заколотилось, и он с достоинством спросил:

— Господин Лин, на что вы смотрите?

Лэ Юй ответил:

— Разве ваше высочество не знает?

Сяо Шанли не мог сказать: «Вы смотрите на меня, будто замороженный». Лэ Юй продолжил:

— Любовь к красоте присуща всем. Ваше высочество в красном одеянии на белом коне вызывает восхищение. Разве это преступление — смотреть на вас?

Сяо Шанли не ожидал, что он будет так дерзок даже перед множеством людей, и нахмурился:

— Мы в Цзиньцзине, господин Лин, ведите себя прилично!

У городских ворот стояла охрана, толпа людей высыпала на улицы, и среди них были знатные дамы в парфюмированных экипажах, все стремились увидеть девятого князя. Каждый раз, когда Сяо Шанли выезжал, ему бросали множество ароматных мешочков, шёлковых платков и украшений, и, поскольку запретить это было невозможно, он просто позволял этому происходить.

Солдаты у городских ворот открыли главные ворота для князя Цзинчэн, и за стенами столица процветала. Лэ Юй, получив его строгий выговор, взглянул на ворота.

— Я не пойду с вашим высочеством. Только что вспомнил, что мне нужно навестить одного старого друга за городом. Здесь мы временно расстанемся.

Он вскочил на лошадь, развернул её и умчался, как вихрь, оставив слова:

— Князь Сяо, если всё будет быстро, увидимся завтра.

<http://bllate.org/book/15272/1348056>